

Ольга А. Леонтович (Волгоград)

Русская языковая личность: особенности коммуникативного поведения

✦ Ключные речи:

коммуникация, языковая личность, национальный характер, идентичность, концептосфера, эффективное общение, лингвокультура.

Овај чланак је посвећен особеностима понашања Руса у комуникацији које карактерише способност остваривања значајног емоционалног контакта са саговорником, висок степен самооткривања, спремност да стварају исказе и примају информације, итд. Посебна пажња се посвећује могућим начинима развоја руског лингвистичког идентитета у савременом мултикултурном свету.

Центральным системообразующим звеном коммуникативного процесса является языковая личность (ЯЛ). Мы определяем языковую личность как национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придерживающийся определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм.

Языковая личность многогранна. В рамках коммуникативного подхода ее можно анализировать с точки зрения:

- 1) коллективности/индивидуальности;
- 2) универсальности/национальной специфичности;

- 3) психофизиологических характеристик;
- 4) социальной принадлежности;
- 5) менталитета;
- 6) лингвокогнитивных подходов;
- 7) уровня владения языком (родным и иностранным);
- 8) тезауруса;
- 9) концептосферы;
- 10) картины мира;
- 11) иерархии ценностей.

Каждому из аспектов соответствует определенная грань ЯЛ, обуславливающая ее культурно-языковые особенности. Кроме того, рассмотрение структуры ЯЛ может осуществляться по другим признакам, отражающим характер познавательной и коммуникативной деятельности.

 2003

Культурно–языковая личность, анализируемая в этом ракурсе, представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в неразрывной связи друг с другом. С одной стороны, коллективная память (понятие, разработанное Э. Дюркгеймом) и коллективные аспекты языка складываются из многократно повторенного индивидуального опыта – сложной мозаики индивидуальных впечатлений, словоупотреблений, коммуникативных стратегий и т. д. С другой стороны, индивидуальная личность формируется на основе коллективного опыта и коллективной памяти. Идентичность языковой личности не может сложиться вне человеческого сообщества, ибо она предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других. Таким образом, ЯЛ представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное. Члены языкового сообщества усваивают то, что кажется им целесообразным и действенным для выживания в среде других людей.

Идентичность языковой личности во всех ее проявлениях оказывает непосредственное влияние на характер дискурса. Культурная идентичность представляет собой символ самосознания, который включает образ мира, систему ценностей и менталитет той группы, к которой принадлежит индивид.

Согласно учению Гегеля, самосознание человека начинается с пробуждения духа в виде слова, речи, языка. Отправной точкой развития становится способность человека (как «конечного духа») познать «самого себя» через освоение «богатства образов», которые до этого были заключены внутри духа как неосознанные и произвольно возникающие в нем состояния (Филос.

энцикл. словарь 1983: 103). Усвоенный человеком язык становится средством выражения индивидуальной и групповой идентичности.

Рассматривая психологическую идентичность как один из важнейших аспектов ЯЛ, мы ведем речь о коллективной идентичности, в основе которой лежит понятие национального характера. Отношение ученых к этому понятию, основанному на мнении о том, что представители одной нации имеют общие личностные черты, типы мышления и модели поведения, неоднозначно. Наряду с достаточно широким признанием бытует точка зрения, которая оспаривает его существование из-за опасения перед стереотипизацией и политической некорректностью. Поэтому на смену термину «национальный характер» в современных работах, в особенности на Западе, приходят термины «базовая личность» или «социальный характер», суть которых заключается в попытке найти основополагающие черты сходства между представителями определенной культуры (см., напр.: Dahl 1998). Н. А. Ерофеев пользуется термином «этническое представление», обозначающим «словесный портрет или образ чужого народа»; С. М. Арутюнян пишет о «психологическом складе нации» как «своеобразной совокупности разнопорядковых явлений духовной жизни народа» (цит. по: Тер-Минасова 2000: 136).

Несмотря на всю эту разногласию, многие ученые не отказываются от исследования национального характера. С. Г. Тер-Минасова подробно анализирует различные точки зрения на это явление и приводит определение Н. Джандильдина, который рассматривает национальный характер как «совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойствен-

ными той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях ее развития» (*Там же*).

Язык объединяет собственно языковое (структурное) своеобразие с особенностями характера нации. Языки различаются по степени динамичности, рациональности и эмоциональности, нюансировке значений, степени охвата определенных областей материальной и духовной жизни, энергетике и фокусировке на определенных концептах. Отправной точкой нашего анализа является следующее ключевое положение гумбольдтовской теории: «Следует сначала изучить народы в их своеобразии, изучить их деятельность и составные части их языков, затем, доверившись чувству, создать себе образ и уже потом, насколько это возможно, облечь его в слова», ибо изучение языка «служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» (Гумбольдт 1985: 380, 383).

О парадоксальности русского национального характера написано немало. В нем уживаются бесчисленные противоречия, на которые неоднократно указывали разные авторы: деспотизм и анархизм, жестокость и доброта, обрядовое и искажение правды, индивидуализм и коллективизм, смирение и наглость, искание Бога и воинствующее безбожие, рабство и бунт, культурная отсталость и огромная одаренность (И. А. Бердяев), стремление к абсолютному, абсолютизация идеалов, резкие колебания от невероятной законопослушности до самого необузданного, безграничного бунта (Л. П. Карсавин), сочетание свободной созерцательности, идущей от сердца, и предметности (И. А.

Ильин), готовность к самоунижению, самобичеванию и покаянию (А. И. Солженицын), конфликтность, уживающаяся со «склонностью к всемирной отзывчивости и всепримирению» (Ф. М. Достоевский) и т. д. И. А. Ильин восхищается добротой, ласковостью и гостеприимством российских людей, присущим им духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости (Социология в России 1995: 164). А. С. Пушкин, со своей стороны, отмечает: «Недоброжелательство – основная черта русских нравов: в народе оно выражается насмешливостью, в высшем кругу – невниманием и холодностью» (Мнения русских о самих себе 2001: 31).

Все эти противоречия неизбежно сказываются на сложившемся в российской среде характере коммуникации, которая реализуется в многообразных, подчас причудливых формах, часто непостижимых для представителей иных лингвокультур.

Одной из ведущих характеристик русского коммуникативного поведения традиционно считается общительность (см., напр.: Тер-Минасова 2000: 150; Стернин 2001: 205). Ее составляющими являются открытость, коммуникативная активность, способность устанавливать смысловой и эмоциональный контакт с партнером, готовность продуцировать высказывания и воспринимать информацию, поступающую от собеседника. Весь этот комплекс признаков создает предпосылки для успешной коммуникации. Однако одностороннее наличие этих качеств со стороны адресанта не может служить гарантией того, что коммуникация состоится – нежелание адресата поддержать беседу может заблокировать инициацию коммуникативного акта. Следовательно, настрой на общение должен быть обоюдным, хотя и не

обязательно симметричным с точки зрения коммуникативной активности.

По наблюдениям И. А. Стернина, общительность русских проявляется в легкости установления контакта с незнакомыми людьми, нетерпимости к молчанию, приоритетности общения в межличностных отношениях по сравнению с другими видами деятельности и т. д. Он подтверждает свои наблюдения данными М. В. Шамановой, согласно которым лексическое поле «общения» в русском языке насчитывает 1479 слов, что свидетельствует о его высокой релевантности (Стернин 2001: 205).

Характер общения в российской среде и других лингвокультурах может различаться по ряду параметров (частоте контактов, тональности, глубине, продолжительности и т. д.). Само слово «общение» в лексиконе русской языковой личности существенно отличается по семантике от своих эквивалентов в других языках, например, английском (*communication, socialization*). Этим, в частности, объясняются трудности при попытке перевести на английский язык фразы типа: «Люблю общаться» и «Приходи вечером, пообщаемся».

Заслуживает внимания не только способность русского человека к установлению смысловой и тематической связки с собеседником в процессе коммуникации, но и сила возникающего при этом коммуникативного сцепления, ядром которого становится эмоциональный контакт. Отмечая открытость русских к общению, Н. А. Бердяев использует термин «коммунотарность», под которым подразумевает ценность неформального общения, легкость завязывания связей, способность открыть душу незнакомому человеку (Шаповалов 2001: 433).

Эмоциональность считается одной из отличительных особенностей рус-

ского языка. «Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии – писал Н. М. Карамзин – но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности» (Русские писатели о языке 1954: 57). Большую степень эмоциональности и вариативности русского характера и его отражения в языке отмечает В. И. Шаховский (Шаховский 2001: 17). С. Г. Тер-Минасова полагает, что грубость российской жизни «отразилась в языке не только богатым запасом бранных выражений, но, как это ни парадоксально, также любовью к ласкательно-уменьшительным словам, диминутивам, активным использованием языковых средств выражения подчеркнутой вежливости» (Тер-Минасова 2000: 154). Многообразие эмотивных средств русского языка создает предпосылки для экспликации тончайших положительных и отрицательных эмоций в процессе коммуникации. Оно также способствует становлению и дальнейшему развитию русской языковой личности.

Одним из проявлений эмоциональности и коммуникативной активности является поразительная по своей глубине склонность русского человека рассказывать о самом сокровенном случайным попутчикам во время долгого путешествия в поезде. В связи с этим хочется процитировать наблюдение Ф. Степуна, который пишет: «Роман Анны с Вронским начинается в поезде и кончается им. Под стук поездных колес рассказывает Позднышев в «Крейцеровой сонате» совершенно чужим ему людям об убийстве жены [...] Замерзшею рукою стучит Катюша Маслова в ярко освещенное окно вагона первого класса и, не сводя глаз с Нехлюдова, чуть не падая, бежит по платформе. «Дым, дым, дым» – разворачиваются в поезде скорбные

раздумья Литвинова – Тургенева. Провожая жену своего приятеля и прощаясь с нею в вагоне, скромный герой одного из самых нежных рассказов Чехова вдруг понимает, что всю жизнь любил только ее и что с ее отъездом для него все кончается. В «Лице» Бунина тема несчастной любви и творческих скитаний духа еще глубже и таинственней сливается с темой железнодорожной тоски [...]» (цит. по: Шаповалов 2001: 439).

Чтобы проанализировать феномен «вагонного общения», воспользуемся распространенным в американской коммуникативистике понятием *self-disclosure* («саморазоблачение»), т. е. добровольное раскрытие неочевидной информации о самом себе партнеру по коммуникации. В таком случае, как правило, общение несимметрично: один из собеседников изливает душу, другому отводится роль внимательного слушателя. Необходимыми предпосылками установления коммуникативной связки являются взаимное доверие собеседников, высокий уровень эмпатии со стороны слушателя, достаточная степень самоуважения «исповедующегося», совпадение у собеседников представления об уместности и допустимости сообщаемой информации (если слушатель сочтет эту информацию до неприличия интимной, он, очевидно, не сможет развить в себе достаточной эмпатии, чтобы «вжиться» в повествование попутчика). Со стороны исповедующегося «саморазоблачение» также требует готовности пойти на риск, чтобы раскрыть адресату интимные подробности своей жизни. Оправданием в такой ситуации служит анонимность случайного собеседника и малая вероятность последующих контактов. Очевидно, этим объясняется то, что даже несмотря на низкий коэффициент межличностного доверия в со-

временном российском обществе – (по подсчетам социологов, 30% по сравнению с 70% в странах Запада. – Шаповалов 2001: 435), – «вагонное общение» по-прежнему остается неотъемлемой чертой российской жизни. Его характерные признаки – детализированность и точность коммуникации, а также явственное присутствие элементов самоанализа. В связи с этим можно предположить, что одним из ведущих мотивов «саморазоблачения» как разновидности коммуникативного акта является стремление к анализу ситуации, «взгляд со стороны» и желание разобраться в себе.

Русским также традиционно приписывается пассионарность, общение с надрывом и отмеченная Ф.М. Достоевским способность «наслаждаться страданием»: «[...] духовная потребность русского народа есть потребность страдания, вечнодашнего и неутолимого, везде и во всем. [...] Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. [...] Страданием своим русский народ как бы наслаждается. [...] Русский пьяница любит пить с горя и плакать» (Достоевский 1993: 256). Эта черта идет рука об руку со свойством русского общения, которое И. А. Стернин назвал коммуникативным пессимизмом (Стернин 2001: 232), но не исчерпывается им. Страдание в классическом русском понимании этого слова может вызывать умиление, приносить очищение, возрождать к новой жизни.

Ниже перечислены некоторые другие обобщенные черты русского коммуникативного поведения, выведенные И. А. Стерниным (2001: 203–239):

- коммуникативный демократизм;
- коммуникативная доминантность;
- искренность;
- стремление к неформальному общению и его приоритетность;
- пониженное внимание при слушании;
- широта обсуждаемой информации и т. д.

Взгляд на коммуникацию через призму фразеологии позволяет выделить принципы эффективного общения, принятые в русской среде:

- высокий уровень языковой компетенции: владеть словом/даром слова; крепкое/острое словцо; язык хорошо подвешен; за словом в карман не лезет; пальца в рот не клади;
- серьезное отношение к делу: шутки в сторону; ближе к делу; сказано – сделано; уговор дороже денег; быть связанным своим словом; не давши слова, крепись, а давши, держись; господин/хозяин своего слова;
- прямота, искренность и правдивость: говорить без обиняков; вести/гнуть свою линию; ставить вопрос ребром; понимать с полуслова; хлеб-соль ешь, а правду режь; раскрывать/распахнуть/изливать душу; выворачивать душу наизнанку; называть вещи своими именами;
- немногословие и сдержанность в общении: укоротить/придержать/прикусить язык; сказал бы словечко, да волк недалечко; сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое; чья бы корова мычала, а твоя бы молчала; язык мой – враг мой; держать язык за зубами; ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами; молчание – знак согласия; держать язык на привязи; наступить на язык; взвешивать свои слова.

Фразеологический фонд также дает представление о том, что неэффектив-

ное общение в коллективном русском сознании имеет следующие отличительные признаки:

- отсутствие логики высказываний и семантической связности: в огороде бузина, а в Киеве дядька; набор слов; ты ему про Фому, а он про Ерему; сбивать с панталыку; начал за здоровье, а кончил за упокой; городить околесицу; нести ахинею/околесицу/чушь/ересь;
- неоправданные длинноты и повторы: затвердила сорока Якова одно про всякого; сказка про белого бычка; бабьи сказки; разжевывать и в рот класть; жевать жвачку/мочалку; толочь воду в ступе, ходить вокруг да около, тянуть кота за хвост, оседлать любимого конька; переливать из пустого в порожнее;
- бесполезность коммуникации, расхождение слова и дела: болтать/трепать/чесать языком; точить лясы, бросаться словами; давать волю языку; пустой звук; язык без костей; хоть кол на голове теши, бобы разводить; разводить антимионии/узоры/тары-бары;
- неискренность: заговаривать зубы; мягко стелет, да жестко спат; втирать очки; заливаться соловьем; без мыла в душу лезть; морочить голову; понапустить туману;
- конфликтность: худой мир лучше доброй ссоры; бодливой корове Бог рог не дает; лезть в бутылку, лезть в душу, злой на язык; кто старое помянет, тому глаз вон; драть глотку; затыкать глотку; распускать/расстегнуть горло/глотку; распускать язык; брать горлом; валить с больной головы на здоровую; втапывать в грязь.

Несмотря на то, что конфликтность входит в число осуждаемых народной мудростью проявлений, ценность бесконфликтного общения в России не столь высока, как, например, в западноевропей-

ских странах. Неслучайно И. А. Стернин относит к типичным чертам русского коммуникативного поведения бескомпромиссность, регулятивность, публичное обсуждение разногласий, допустимость эмоционального спора и конфликтной тематики общения, категоричность выражения несогласия и формулирования проблемы (Стернин 2001: 222–227).

С точки зрения В. Ф. Шаповалова, самодержавный и тоталитарный общественные порядки в России повинны в том, что в нашем обществе отсутствует устойчивая традиция спокойного и ровного обсуждения проблем, затрагивающих глубинные основы бытия человека и общества. Попытки такого обсуждения, как правило, выливаются во взаимные препирательства, доходящие до вульгарных упреков и оскорблений. Он полагает, что такие «дискуссии» – это совокупность изолированных монологов, а отнюдь не диалог. Однако «только в форме диалога (а не монолога) возможен плодотворный обмен мнениями и, следовательно, реальное, а не мнимое решение обсуждаемой проблемы» (Шаповалов 2001: 434).

Тем не менее, следует отметить, что в межличностном общении русские проявляют не столько склонность к конфликтному общению, сколько эмоциональную вовлеченность в процесс коммуникации. В том случае, если все же возникает конфликтная ситуация, содержательный и реляционный конфликты далеко не всегда сопутствуют друг другу. Это нередко удивляет представителей иных лингвокультур – они не могут понять, почему после бурного спора русские вновь улыбаются друг другу и продолжают дружеское общение.

При рассмотрении русской языковой личности нельзя оставить без внимания и некоторые лингвистические особенности,

которые влияют на различные параметры коммуникации. Так, проанализировав материалы Ассоциативного тезауруса русского языка, Н. В. Уфимцева делает вывод о том, что «современное русское языковое сознание мужского рода, поскольку за человеком, по количеству (убывающему) связей с другими словами следуют друг, дурак, ребенок, мужчина, я, парень и лишь затем женщина» и что для русского языкового сознания свойственно движение от общего к конкретным его проявлениям. По ее наблюдениям, неотъемлемым свойством русского менталитета является желание все оценить и приписать всему определенное качество, что неизбежно отражается на коммуникативном поведении русских (Уфимцева 1996: 157–160).

Несомненный интерес для нашего исследования представляют размышления Н. Д. Арутюновой, касающиеся самовыражения русских посредством синтаксиса. С ее точки зрения, широкое употребление бытийных предложений в русском языке связано с тем, что в них микромир человека пропускается через призму предметности и становится статичным: «[...] принцип бытия, существования применяется [...] и к тому, что есть в мире, и к тому, что есть в человеке, у человека, с человеком, в непосредственном окружении человека. Человек задает личную сферу, но он не занимает в ней центральной позиции». В романских же и германских языках, в противовес русскому, прослеживается тенденция к дифференциации сообщений о «большом» и «малом» мирах. Это дает основание отнести русский язык к языкам бытия (*be-languages*), которые противопоставлены языкам обладания (*have-languages*), например, романским и германским (Арутюнова 1999: 769–790).

Н.Д. Арутюнова также приходит к выводу о том, что для русского языкового сознания типичен «пространственно-предметный, а не темпорально-фактивный, статический, а не динамический, живописный, а не кинематографический подход к миру жизни» (*Там же*: 793–794). По ее мнению, концептуальный комплекс простор – воля – стихия соотносится с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, что находит свое воплощение не только в лексическом фонде, но также в безличных возвратных формах, выражающих независимое от человека развитие событий, и невозвратных формах переходных глаголов, получающих значение неуправляемого действия или стихийного поведения (*Там же*: 812–813). Специфика русского языкового сознания также проявляется в изобильном использовании неопределенных местоимений, выступающих как «знаки невыраженных или невыразимых смысловых компонентов: нескрытых причин событий, неясных мотивов поступков, неопределимых и неопределенных вариантов признаков, следы действия неведомых сил [...], знаки непроницаемости некоторых сфер бытия, в частности, человеческой личности» (Арутюнова 1999: 823).

Особенности русской языковой личности своеобразно преломляются в процессе межкультурной коммуникации, при контактах с представителями иных лингвокультур.

Концептосфера русского языка, о богатстве которой так убедительно пишет Д.С. Лихачев (1997), сложилась в недрах многовековой истории русского народа, в тесной связи с церковнославянским языком, а также под влиянием других языков (греческого, тюркских, финно-угорских, иранских, немецкого, фран-

цузского, английского и т. д.) на разных этапах его развития. Парадоксальность и противоречивость русской языковой личности отчетливо проявилась в отношении к усвоению иноязычных влияний: с одной стороны, любопытство и открытость к восприятию нового, с другой – стремление соблюсти чистоту русского языка, неприятие чужого, отношение к иноязычным заимствованиям как к угрозе национальному самосознанию. Например, Петра Первого не раз упрекали в том, что его реформа поставила Россию в странное положение: не сделав ее до конца европейской страной, она в то же время вырвала русский народ из родной среды и лишила культурного своеобразия. «Отчего [...] ты так безобразна, наша святая, великая Русь?» – в отчаянии восклицал И.С. Аксаков. И продолжал: «Оттого я так безобразна [...], что набелили вы, нарумянили мою красу самородную, что связали вы по рукам и по ногам мою волю-волюшку, что стянули вы могучие плечи в немецкий тесный [...] кафтан! [...] Меня давит, томит ваш тесный кафтан, душат ваши пути чужеземные!» (В поисках своего пути 1997: 180).

Сетую на обилие иноязычных элементов в русском языке, А.С. Хомяков фактически (если пользоваться современной терминологией) указывает на возникающее в процессе заимствования столкновение концептосфер: «С детства мы лепечем чужестранные слова и питаемся чужестранною мыслью, с детства привыкаем мы мерить все окружающее нас на мерило, которое к нам не идет, привыкаем смешивать явления самые противоположные: общину с коммуною, наше прежнее боярство с баронством, религиозность с верою, семейность свою с феодальным понятием Англичанина о доме

(*home*) или с Немецкою кухонно-сентиментальною домашностью (*Häuslichkeit*), лишаемся живого сочувствия с жизнью и возможности логического понимания ее. Какие же нам остаются пути и средства к постижению истины?» (*Там же*: 91). Автор не только стремится сохранить русский язык в его изначальной неприкосновенности, но и опасается, что восприятие русского культурного пространства будет искажено при применении к нему чуждой критериальной сетки и не свойственных российской жизни осей координат.

Более оптимистично звучат рассуждения И.С. Тургенева, который верит в способность языка к саморазвитию и саморегуляции: «Возьмите пример хоть с нашего языка. Петр Великий наводнил его тысячами чужеземных слов: голландских, французских, немецких; слова эти выражали понятия, с которыми нужно было познакомить русский народ; не мудрствуя и не церемонясь, Петр вливал эти слова целиком, ушатами, бочками в нашу утробу. Сперва, точно, вышло нечто чудовищное, а потом – началось [...] перевариванье [...] Понятия привились и усвоились; чужие формы постепенно испарились, язык в собственных недрах нашел, чем их заменить [...]» (Русские писатели о языке 1954: 302).

Приведенные выше высказывания заставляют нас задуматься над целым рядом важных проблем: 1) В какой степени способны иностранные заимствования воздействовать на менталитет народа и сферу его эмоциональной жизни? 2) Достаточно ли внутренние ресурсы столь мощного языка, как русский, для того, чтобы самостоятельно справиться с инокультурным воздействием? 3) Можно ли целенаправленно, на законодательном или ином уровне, поставить заслоны на пути иноязычных влияний?

Представляется, что убедительные ответы на эти вопросы можно найти в размышлениях В.Г. Белинского. В связи с этим приведем достаточно длинную цитату, которая сегодня обрела новое звучание в связи с экспансией английского языка и его вторжением в русское лингвокультурное пространство: «[...] гений языка умнее писателей и знает, что принять и что исключить. В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей [...] с новым понятием, которое один берет у другого, он берет и самое слово, выражающее это понятие. В этом действии видна справедливость: как бы в награду за понятие, рожденное народом, переходит к другим народам и слово, выражающее это понятие [...] против нравственной зависимости этого рода, столь законной и справедливой, могут вооружаться только умы слабые и мелкие, увлекаемые ложным патриотизмом. Что за дело, какое и чье слово, лишь бы оно верно передавало заключенное в нем понятие! Из двух сходных слов, иностранного и родного, лучшее есть то, которое вернее выражает понятие. [...] Создатель и властелин языка – народ, общество: что принято ими, то безусловно хорошо; грамотеи должны безусловно покоряться их решению [...] Ненужное слово никогда не удержится в языке, сколько ни старайтесь ввести его в употребление. [...] Страж чистоты языка – не академия, не грамматика, не грамотеи, а дух народа» (Русские писатели о языке 1954: 196, 199).

И в самом деле, не что иное, как жизнь языка расставляет все на свои места и показывает, какие из иноязычных элементов будут усвоены, а какие отвергнуты и забыты. При этом заимствования неизбежно накладывают

свой отпечаток на характер ЯЛ. Однако необходимо помнить, что каждый индивид имеет право решать, каким образом уравновесить в своей речи использование родных и иностранных слов, принимать или отвергать заимствования, использовать их в избытке или прибегать к ним в случае крайней необходимости, при невозможности выразить нужное содержание средствами русского языка. От совокупности индивидуальных словоупотреблений зависит будущее языка и языкового сознания. Поэтому, имея в виду способность русского языка к саморегуляции, не следует, тем не менее, недооценивать сознательное отношение личности к выбору языковых средств и к возможности направлять и регулировать его развитие.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что русская языковая личность формируется в сфере действия собственной национальной концептосферы, но с постоянным влиянием извне, характер которого непосредственно зависит от расклада политических и экономических сил, а также от языковой ситуации в мире. Процесс становления русской языковой личности сопровождается, с одной стороны, стремлением сохранить чистоту русского языка, а вместе с ним и народную нравственность, менталитет и ценностные установки, а с другой – постоянной привычкой оглядываться на Запад, оценивать все русское по иностранным меркам. Американскую журналистку К. Богерт поразило в русских «сладолюбивое желание унижить себя». Она обратила внимание на фразу, которую слышала как в устах простых людей, так и президента Ельцина: «как принято в цивилизованных странах...». Богерт пишет о том, что Россия перестала любить

себя в 1988 г., когда «русские убедились, что экономический механизм западного мира намного эффективнее, и оттого возникло у них мнение, что Запад цивилизованный, а Россия нет» (Богерт 1998).

В действительности истоки русского самоуничижения в межкультурной коммуникации уходят корнями в далекое прошлое. «Отчего ж мы, русские, боимся быть русскими?» – вопрошал Н.И. Надеждин в 1836 г. (В поисках своего пути 1997: 44). И.С. Аксаков не без боли писал о том, что, подобно мещанам во дворянстве, которые стыдятся своей родни и отрекаются от своего происхождения, «Русские спешат осудить вслух иностранцам все Русское, унижаясь, просят извинения для грубой народности Русской и восхваляют все заграничное!» (В поисках своего пути 1997: 189). Можно было бы привести еще немало свидетельств того, что самобичевание и устойчивый комплекс неполноценности типичны для самоидентификации русских в условиях межкультурной коммуникации и воздействуют на характер ее протекания.

В упомянутой ранее статье К. Богерт говорится: «Я открыла в натуре русских предельный самокритицизм. [...] Политики эксплуатировали комплекс неполноценности в сердце каждого русского, чтобы поставить развитие громадной и неповоротливой России на здоровые основы. Но играть на комплексе неполноценности – опасное дело. [...] Любить свою страну, гордиться ей, быть патриотом – это вполне в правилах цивилизованной личности» (Богерт 1998). Мысль американской журналистки перекликается со словами Н.И. Карамзина, написанными 200 лет тому назад: «[...] русский должен по крайней мере знать цену свою» (В поисках своего пути 1997: 24).

Примечательно то, что русский самокритицизм подогревается отношением к России со стороны других народов. Неприятие «русской экзотики», непонимание «загадочной русской души» – типичная картина для межкультурной коммуникации. Еще в XIX веке на это обратил внимание А.С. Хомяков: «Странно, что Россия одна имеет как будто бы привилегию пробуждать худшие чувства европейского сердца» (*Там же*: 85). «Нерасположение к России заметно во всей Европе» – вторил ему Н.И. Тургенев (*Там же*: 214). Ученые, писатели и политики пытались истолковать этот феномен разными причинами: различиями в духовном и общественном развитии России и Запада, расхождениями менталитетов, нежеланием Запада признать Россию как самостоятельную силу, поздним переходом России «из древней истории в новую, из возраста, в котором господствует чувство, в возраст, в котором господствует мысль (на два века позднее других европейцев)» (С.М. Соловьев. – *Там же*: 221), неустроенностью российской жизни и т.д. Но и по сей день это явление остается загадкой.

Следует отметить еще одну черту русской языковой личности, которая вытекает из сказанного выше – изначальную

предрасположенность к межкультурному общению, истоки которой следует искать в философствующем взгляде на мир, нравственной неудовлетворенности русского человека, постоянном стремлении к самосовершенствованию, природном любопытстве, отсутствии желания осудить или принизить другие культуры.

Каковы же пути дальнейшего развития русской языковой личности, которые могут сложиться при ее функционировании в современном многокультурном мире? Можно прогнозировать по крайней мере три возможных варианта: развитие по западной матрице, с продолжением усвоения иноязычных и инокультурных влияний, которые будут постепенно вытеснять русскую национально-культурную специфику; изоляционизм и решительное отмежевание от Запада; и наконец, последний вариант, который мы считаем самым перспективным: не отказ от всего нового на том лишь основании, что оно «чужое», а создание специфически русской модели развития языковой личности, объединяющей собственный культурно-исторический опыт и лучшие достижения Запада. Этот прогноз является наиболее благоприятным с точки зрения эффективной коммуникации.

summary**Σ Russian Linguistic Personality: Peculiarities of Communicative Behavior**

The article is devoted to the study of Russian linguistic personality. The latter is defined as a nationally specific type of communicator, with culturally conditioned mentality, worldview, system of values, cognitive approaches, linguistic, behavioral and communicative norms. Cultural identity expressed in all its forms has a direct influence on the character of discourse.

According to Hegel, self-consciousness begins with the awakening of spirit in the form of language. Communication unites linguistic (structural) peculiarities with the specific features of national character. All the contradictions traditionally ascribed to the Russian national character are realized in multiple, sometimes peculiar forms, often totally alien to representatives of other cultures.

Russians are traditionally viewed as sociable, open, and active communicators capable of establishing a meaningful emotional contact with their partners, with a high degree of readiness to produce utterances and receive information from their interlocutors. Scholars point out that Russian emotionality is expressed in language not only by means of numerous invective words, but also diminutives, formulas of politeness, etc. Other characteristic features of Russian linguistic personality are a high level of self-disclosure, passion, and ability to enjoy suffering, brilliantly described by F. M. Dostoyevsky.

Idioms reflect the features of discourse, which are seen as positive in the Russian community: high level of linguistic competency, serious attitude towards the topic of discussion, directness, truthfulness, brevity and reserve in communication. Negative features include the lack of logic and semantic coherence of utterances, unjustified repetitions, a gap between what is said and done, insincerity, etc.

Though conflicts are commonly disapproved of, the value of non-conflict behavior is not so high as in Western countries. Nevertheless, in interpersonal contacts it is not so much conflict as emotional involvement in the process of communication. In case there really is a conflict, the content and relational conflict do not always go together, which often surprises representatives of other cultures.

The peculiarities of Russian linguistic personality are specifically implemented in the process of intercultural communication. On the one hand, it is characterized by the desire to preserve the purity of the Russian language, alongside with folk morals, mentality, and values, on the other – curiosity and openness towards new knowledge, and the habit to measure Russian life by Western standards. Russian deep self-criticism is reinforced by the Western negative attitude towards Russia.

The author foresees three possible ways of development of Russian linguistic personality in the modern multicultural world: 1) development in accordance with the Western matrix, assimilation of foreign linguistic and cultural influences accompanied by gradual ousting of Russian cultural peculiarities; 2) isolationism and decisive separation from the West; 3) the emergence of a specific Russian model of development, which would combine Russian cultural and historic experience with the best Western achievements. The author sees the latter model as the most favorable for effective communication.

Литература

- Арутюнова 1999: **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры. – 896 с.
- Богерт 1998: **Богерт, Кэррол.** Не стесняйтесь говорить, что вы любите Россию. – In: Известия. – 11 февр. – С. 5.
- В поисках своего пути 1997: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией / сост. Н. Г. Федоровский. – Москва: Логос. – 750 с.
- Гумбольдт 1985: **Гумбольдт, Вильгельм фон.** Язык и философия культуры / Общ. ред. А. В. Гулыги и Г. В. Рамишвили. – Москва: Прогресс. – 450 с.
- Достоевский 1997: **Достоевский, Ф. М.** Дневник писателя (1873). In: В поисках своего пути. Россия между Европой и Азией / сост. Н. Г. Федоровский. – Москва: Логос. – С. 255–259.
- Лихачев 1997: **Лихачев, Д. С.** Концептосфера русского языка. In: Русская словесность: Антология. – Москва: АСАДЕМА. – С. 280–287.
- Мнения русских о самих себе 2001: Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых. / Сост. К. Скальковский. – Москва: ТЕРРА-Книжный клуб. – 304 с.
- Русские писатели о языке 1954: Русские писатели о языке / Под ред. Б. В. Томашевского и Ю. Д. Левина. – Ленинград: Советский писатель. – 834 с.
- Социология в России 1995: Социология в России: Социальные традиции русской народной жизни и мента-литет россиянина. In: Социология / Г. В. Осипов, А. В. Кабыща, М. Р. Тульчинский и др. – Москва: Наука. – 162–169.
- Стернин 2001: **Стернин, И. А.** Введение в речевое воздействие. – Воронеж. – 208 с.
- Тер-Минасова 2000: **Тер-Минасова, С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: СЛОВО/SLOVO. – 262 с.
- Уфимцева 1996: **Уфимцева, Н. В.** Русские: опыт еще одного самопознания. – In: Этнокультурная специфика языкового сознания. – Москва. – С. 139–162.
- Филос. энцикл. словарь 1983: Философский энциклопедический словарь. – Москва: Совет. энцикл. – 840 с.
- Шаповалов 2001: **Шаповалов, В. Ф.** Россиеведение: Учебное пособие для вузов. – Москва: ФАИР-ПРЕСС. – 576 с.
- Шаховский 2001: **Шаховский, В. И.** Влияют ли американизмы на историческую судьбу России и русского языка. – In: Русский язык: исторические судьбы и современность: Тр. и материалы междунар. конгресса МГУ. Москва, 13–16 марта 2001 г. – С. 319.
- Dahl 1998: **Dahl, S.** Communications and Culture Transformation. Cultural Diversity, Globalization and Cultural Convergence. Project presented to the European University, Barcelona. June 1998. Retrieved February 27, 1999 from the World Wide Web: <http://www.stephweb.com/capstone/index.htm> (/1.htm, /2.htm, /3.htm, /4.htm, /5.htm, /6.htm).

185